

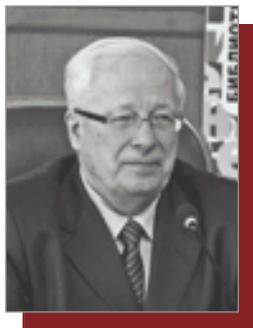
Год культуры в эпоху информатизации

О необходимости выполнения российскими библиотеками важной и ответственной миссии по гуманизации современного общества и адаптации его к условиям информационной цивилизации, а также о целесообразности использовать Год культуры в качестве начала реализации этой миссии.

Ключевые слова: Год культуры, библиотеки, Россия, гуманистическая миссия, информационное общество.

Человечество вступило в эпоху информатизации. Никто не сомневается в том, что «главное значение имеют уже не мускульная сила и не энергия, а информация», что «информация стала фундаментальным источником производства и власти», что «информация — самая лучшая валюта XXI века» и т. д. Всемирная паутина Интернет, мобильные телефоны и мультимедиа пленяют молодое поколение как супермагистраль, ведущая в информационное общество. Идея информационного общества приобретает глобальные масштабы, ее разделяют президенты, министры, другие официальные лица, генеральные ассамблеи ООН и ЮНЕСКО. Долгосрочная Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011—2020 гг.)», принятая Правительством России в октябре 2010 г., является особенно ярким и впечатляющим выражением государственной политики в области информатизации российского общества. Она предусматривает следующие *направления*: создание электронного правительства, повышение качества жизни граждан, преодоление цифрового неравенства, обеспечение безопасности в информационном обществе, сохранение культурного наследия и развитие рынка информационно-коммуникационных технологий.

Библиотечные работники всегда ощущали родственную связь с миром информации и поэтому горячо приветствовали наступление информационного общества. Международная федерация библиотечных ассоциаций и учреждений (ИФЛА) даже провела в 2003 г. конференцию, название которой красноречиво говорит о ее пафосе, «Библиотеки — сердце информационного общества». Однако печалит знакомство с политическими декларациями и научными трудами,

Аркадий Васильевич Соколов,
профессор Санкт-Петербургского
государственного университета
культуры и искусств,
доктор педагогических наук

посвященными информационному обществу, где никогда не говорится ни о книгах, ни о библиотеках. Складывается впечатление, что зарубежные и российские апологеты информационного общества склонны считать это общество нечитающим и бескнижным. Правда, наше правительство в подобном обскурантизме заподозрить нельзя. В упомянутой программе «Информационное общество (2011—2020)» есть абзац, в котором говорится о создании Национального библиотечного ресурса с унифицированным каталогом на базе оцифрованных фондов Российской государственной библиотеки, Российской национальной библиотеки, Президентской библиотеки им. Б.Н. Ельцина, библиотек государственных академий наук Российской Федерации, а также государственных и муниципальных публичных библиотек.

Не менее радостным подарком для российских библиотекарей стал Указ Президента Российской Федерации В.В. Путина «О проведении в Российской Федерации Года культуры» в 2014 году. Стратегическая цель этого национального мероприятия состоит, по словам Президента, в «привлечении внимания общества к вопросам развития культуры, сохранения культурно-исторического наследия и роли российской культуры во

всем мире», т. е. к вопросам, традиционно и неразрывно связанным с книгой, библиотекой, библиографией. Логично было ожидать, что в планах мероприятий по проведению в Российской Федерации Года культуры библиотечной системе будет поручена одна из ведущих и ответственных ролей. Фактически этого не произошло. Боюсь, что Год культуры станет годом беззаботных карнавалов, а не годом интенсивного труда по возрождению национальной культуры и адаптации ее к условиям информационного общества. На праздничных шоу без библиотек обойтись можно, а в будничной работе по сохранению и распространению российской культуры в XXI в. они незаменимы. Почему? Об этом пойдет речь в данной статье.

Новейшая история свидетельствует, что мегатенденции глобализации и информатизации не разрешают, а напротив, усложняют решение глобальных проблем, угрожающих существованию человечества. В экстремальных условиях столкновения цивилизаций и корыстных притязаний великих держав, межнациональных, религиозных, классовых конфликтов, озлобления обманутого и нищающего населения усугубляется всемирный кризис человечества. Гигантский

рост научно-технической мощи и экономического богатства соседствует с духовной деградацией и дегуманизацией отношений между отдельными людьми, народами, нациями, государствами. Об угрожающих существованию человечества рисках взволнованно говорил в своих книгах гуманист и математик, академик РАН Н.Н. Моисеев (1917—2000)¹, а в своем предсмертном обращении к российской общественности он предупредил: «Вся планета, как и наша страна, находится на пороге неизвестности и непредсказуемости. Можно лишь утверждать с достаточной долей уверенности в своей правоте, что планета и мировое сообщество вступают в новую стадию развития. Необходимо признать, что деятельность человечества ведет к деградации биосферы и не способна гарантировать существование Человека в ее составе. Человек подошел к пределу, который нельзя переступать ни при каких обстоятельствах. Одно необдуманное

движение — и биологический вид *homo sapiens* может исчезнуть с лица Земли. Хочу подчеркнуть, что такая катастрофа может случиться не в каком-то неопределенном будущем, а может быть, уже в середине наступившего XXI века»². Оказалась несостоятельной надежда просветителей на то, что цивилизованный чело-

век будет гуманнее и нравственнее неграмотного варвара. Масштабы жестокого уничтожения себе подобных высококвалифицированными «силовыми структурами» далеко превосходят аппетиты диких каннибалов. Да, конечно, пора напомнить о культуре цивилизованному человечеству!

К сожалению, Россия давно уже находится в зоне риска, и риска, надо признать, весьма опасного. Мне уже приходилось писать на страницах журнала «Библиотековедение» о том, что современная Россия становится зоной антропологической катастрофы, ибо слишком много проявлений дегуманизации в общественном сознании и образе жизни современных россиян³. Растет социальное расслоение и ужесточается межэтническая вражда. У нас очень мало умных и деловитых чиновников, нет цивилизованного гражданского общества и авторитетной власти, пользующейся доверием населения. Имитация демократии и либерализма оборачивается апатией, аморальностью, беззаконием, криминализацией, коррупцией. Совесть, стыд, милосердие, альтруизм, интеллигентность — старомодны и непривлекательны. Неуважение к книге, библиотеке, культурному наследию — одно из проявлений постыдного хам-

Дорогой Аркадий Васильевич!

Вас, верного многолетнего автора и члена Редакционного совета журнала «Библиотековедение» поздравляем с юбилеем!

Желаем, чтобы идеи не скудели, здоровье не подводило, больше друзей и единомышленников на пути поиска истины в вопросе о функциях и миссии библиотек в современном обществе.

*Друзья и коллеги
из Российской государственной
библиотеки*

ства. Перед лицом глобального кризиса и усугубляющейся дегуманизации российского общества крайне своевременно звучит призыв Президента Российской Федерации «привлечь внимание... к вопросам развития культуры, сохранения культурно-исторического наследия...». Поскольку незаменимыми радетелями и хранителями отечественной культуры всегда были и до сих пор остаются библиотеки и книжные палаты, Указ Президента Российской Федерации «О проведении в Российской Федерации Года культуры» мне хочется интерпретировать как проявление государственной заботы о преодолении хронического кризиса книжно-библиотечной системы нашей страны.

Проявления кризиса общеизвестны: *дисфункция книжного чтения*: количество книголюбов, сохранивших «рудиментарные интеллигентские навыки чтения», непрерывно уменьшается; *сокращение книжной коммуникации*: падение тиражности и продаж в книжной рознице, уменьшение числа книжных магазинов, постоянно растущие цены на книги; *свертывание библиотечных сетей*: «сокращение библиотечной сети стало обычным явлением для последних двадцати лет; до этого закрытие библиотеки расценивалось властью как чрезвычайное происшествие»⁴; *депопуляция библиотечной профессии*, состоящая в оттоке талантливой и энергичной молодежи; *оскудение научной мысли*, сосредоточенной либо на современных технологиях, либо на исторической фактографии, но не на преодолении кризиса отрасли.

Назову две, на мой взгляд, основных причины российского библиотечного кризиса:

Первая, объективная. *Глобальная всемирно-историческая тенденция*: закат Галактики Гутенберга, вытеснение полиграфической коммуникации электронной цифровой коммуникацией. Глобальная сеть Интернет предлагает мировому сообществу в бесплатном круглосуточном доступе гигантские, непрерывно пополняемые и корректируемые массивы информации по всем отраслям знания. Формируется новый антропологический тип — *homo informaticus*, оснащенный индивидуальными устройствами для мобильного доступа ко всему разнообразию цифровых информационных ресурсов. Нельзя не учитывать эту тенденцию в стратегических программах развития библиотечно-библиографической системы.

Вторая, субъективная. *Государственная библиотечная политика*. У нас нет ни федеральных законов, ни целевых программ, ни политических концепций, ни стратегических планов, где звучала бы обеспокоенность судьбами книги, чтения, российской книжной культуры. Руководствуясь принципом «адаптации культуры к рыночной экономике», Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации последовательно проводит политику сокращения государственных затрат на содержание библиотек. В этом контексте шокирующая антикнижная акция — ликвидация Российской книжной палаты (Указ Президента Российской Федерации «О некоторых мерах по повышению эффективности деятельности государственных средств массовой информации» от 9 декабря 2013 г.) выглядит логичным политическим актом.

Напрашивается безрадостный вывод, что наши государственные деятели представляют будущую Россию как общество *нечитающее и бескнижное*, которому нужны информационные услуги, а никак не книжная культура, библиофильство, филология и прочие реликты книжности. Они убеждены, что, имея в своем распоряжении Интернет с постоянно растущими, дистанционно доступными информационными ресурсами, граждане информационного общества не будут нуждаться ни в каких старомодных библиотеках, кроме, может

быть, оцифрованного ресурса, концентрирующего фонды нескольких крупнейших библиотек. К сожалению, мало кого из наших законодателей тревожит кризис российских библиотек и их роль в возрождении отечественной культуры, сохранении и преемственности культурно-исторического наследия России, о котором упоминается в Указе Президента Федерации В.В. Путина. Что ж, задумаемся над этими вопросами.

Просматриваются *два альтернативных пути выхода из кризиса*: технократический и гуманистический. Технократический путь делает ставку на дальнейшее развитие научно-технического прогресса, способного удовлетворить постоянно растущие материальные и духовные потребности человечества; гуманистический путь исходит из постулата, что только гуманизация общественного сознания может спасти от гибели обезумевших людей. Какую альтернативу избрать? — это главный вопрос в повестке дня XXI в., который, в конечном счете, должен решить судьбу российской культуры и библиотек в наступившем столетии. Оценим эти альтернативы.

Технократическая альтернатива вытекает из принципа *технологического детерминизма*, имеющего репутацию «вульгарного представления, по которому уровень развития техники определяет тип общества, его социальную структуру, уровень потребления и т. д.»⁵. Но именно этот вульгаризм приобрел популярность во властных структурах. Руководствуясь технологическим детерминизмом, футурологи-технократы восхищаются техносферой информационного общества и умахивают о социальных, экономических, нравственных отношениях между людьми. Они игнорируют главное противоречие техногенной цивилизации: рост могущества техники и деградация человечности. Они уверены, что все социально-коммуникационные проблемы будут решены, если постиндустриальное информационное общество обзаведется всемирной цифровой библиотекой с дистанционным доступом, сопряженной с несколькими национальными электронными библиотеками, если бумажная книжность музеефицируется, а читатели-библиофилы самоликвидируются.

Хрестоматийным примером абсолютизации технократического детерминизма могут служить следующие рассуждения профессора В.К. Степанова, одного из ведущих специалистов в области информатизации библиотечно-библиографического социального института. «Во второй половине 90-х годов выявилось со всей очевидностью, что именно технологические аспекты библиотечной работы приобретают первостепенную значимость. Их приоритет доказывается тем, что умелое применение компьютерных технологий (и ничто иное!) реально и во много раз повыша-

ет эффективность работы библиотек. Более того, происходящие сегодня технологические изменения постепенно устанавливают новую парадигму развития библиотеки как социального института, приводят к изменению сущности ее работы»⁶. Веско сказано: изменение сущности библиотеки как социального института предопределяется сменой библиотечных технологий! Логично предположить, что в обозримом будущем, когда на смену электронным компьютерным технологиям придут нанотехнологии, сущность библиотеки изменится еще раз. Поскольку научно-технический прогресс — процесс безлимитный, получается дурная бесконечность: сколько технологических трансформаций — столько библиотечных сущностей.

Напомним, что *сущность* — это скрытое за многообразными внешними явлениями внутреннее, *истинное содержание* познаваемого предмета. Содержание понимается как «главный признак или совокупность таких признаков в объекте или системе, определяющих ее качественное отличие от других объектов и систем, а также все другие свойства данного объекта или системы»⁷. Вульгарность технологического детерминизма заключается в том, что главным сущностным признаком библиотечно-библиографической системы считаются технологические процессы, а не социальные функции, изначально присущие этой системе. Поэтому эффективность работы библиотек и библиографических служб оценивается количественными показателями: книговыдача, оперативность и стоимость обслуживания запросов потребителей, пополнение и обращаемость фондов, время обработки новых поступлений, количество отказов и т. п. Эти показатели хорошо характеризуют выполнение информационной функции, понимаемой как оказание информационных услуг, т. е. «предоставление информации определенного вида потребителю по его запросу»⁸.

Технократам, вооруженным «вычислительным мышлением», кажется, что обществу, именуемому «информационным», потребуются главным образом информационные услуги, состоящие в оперативном, релевантном, желателно рентабельном удовлетворении информационных запросов, поступающих от потребителей. Вместо субъект-субъектного диалога, свойственного классическому библиотечно-библиографическому просветительству XX в., они предпочитают клиентоориентированное обслуживание, означающее субъект-объектное отношение, где роль управляющего субъекта играет клиент (клиент всегда прав!), а библиотекарь-библиограф становится управляемым медиатором, которого в будущем заменит интеллектуальный робот. Библиотека, вооруженная компьютерной техникой, оцифрованным фондом и доступом в Интернет, трансформируется в информационный супермаркет, предлагающий товары на любой вкус. Отсюда

энтузиасты-технократы делают вывод, что глобальной информационной цивилизации унаследованные от прошлого века библиотеки не нужны, бесполезны и обременительны. Именно эта точка зрения господствует в государственной библиотечно-информационной политике постсоветской России. Она воплощена в Государственной программе Российской Федерации «Информационное общество (2011—2020 гг.)», технократическая направленность которой совершенно очевидна.

Гуманистическая альтернатива базируется на аксиоме, что преодоление кризиса человечества, его духовное возрождение возможны только в том случае, когда знания и искусство, идеалы и мудрость, воплощенные в культурном наследии наций, в колоссальной памяти мирового сообщества, будут востребованы, поняты и оценены по достоинству самоуверенными потомками. Школа и литература, религия и средства массовой информации должны сыграть свою роль в гуманистическом возрождении постиндустриальной цивилизации, но *без участия библиотечно-библиографического социального института не обойтись ни в коем случае*. Центральной магистралью распространения гуманистических ценностей всегда была книжная коммуникация, хранящая многовековое гуманистическое наследие. Почитание книжное выросло из первоначального, магического культа Книги, восходящего к архаическим временам, когда письмена почитались священным откровением⁹. Неслучайно Книгу нарекают «хранительницей высших смыслов отечественной культуры», «важнейшим фактом и фактором цивилизации», «вместилищем вечных идей», «духовным руководителем» и т. д. Совершенно очевидно, что если естественный язык — основа антропогенеза, то искусственно сотворенная книга — основа человеческой цивилизации. Следовательно, книжные фонды библиотек представляют собой не только документные или информационные ресурсы, но еще и *гуманистические ресурсы в документной форме* — ценнейшую составную часть культурного наследия нации.

Опасаясь оказаться презренным изгоем научно-технического прогресса, библиотечные интеллектуалы энергично иницируют программы автоматизации, информатизации и компьютеризации библиотечных процессов, проекты построения электронных библиотек, сводных каталогов, корпоративных библиотечных сетей, служб виртуального библиографического обслуживания и т. п. Работы ведутся широким фронтом во всем мире и значительные капитальные затраты оправдываются обещаниями резко поднять качество библиотечно-библиографического обслуживания при сокращении производственных издержек и, самое главное, гарантиями войти в информационное общество в качестве полноправного члена. Технократический путь соблазнителен: он согласуется с тенденцией глобальной информатизации и отечественной политикой, выраженной в Государственной программе Российской Федерации «Информационное общество (2011—2020 гг.)» и других официальных документах. В перспективе библиотеки должны перестать быть центром книжности и непосредственного общения людей, а превратиться в информационный медицентр без книг и без читателей. Информационный медицентр без книг и без читателей — это не библиотечное учреждение, а *информаторий*, знаменующий конец истории библиотек и библиотечной профессии.

Увлеченные информационными технологиями энтузиасты не обеспокоены дегуманизацией российского общества, которая стала подлинной угрозой национальной безопасности, ибо является симптомом вырождения нации. Информатизация российских библиотек и трансформация их в высокотехнологичные информатории никак не смогут

способствовать уменьшению дегуманизации грядущего информационного общества и содействовать разрешению противоречия между технической мощью и ущербной духовностью техногенной цивилизации, а напротив, будут их усугублять. Для устойчивого развития техногенной цивилизации необходимо равновесие между агрессией коммерческих и боевых технологий и гуманистическими механизмами их сдерживания. Следовательно, сохранение библиотечного социального института *жизненно важно* для глобального информационного общества при условии выполнения им гуманистической миссии.

Реализовать гуманистическую стратегию развития библиотек в условиях техногенного информационного общества очень трудно, ибо придется совмещать противоречивые идеи: гуманизацию общества и информатизацию общества. Здравый смысл подсказывает, что библиотеки понадобятся глобальному информационному обществу только в том случае, если они смогут предложить ему такие существенно важные ценности, которые превышают возможности Интернета и вообще электронной коммуникации. Гуманистические книжные фонды являются источником ценностей такого рода. Интернет не способен пробудить в своих пользователях бескорыстный альтруизм или этническую толерантность, он всего лишь поставщик информации к размышлению. Книга же обладает магической силой, и сотворчество автора и читателя может стать не только усилителем интеллекта, но и будильником совести. Магия книги заключается в том, что она аккумулирует интеллигентности своего автора, которая вызывает к духовности читателя. Если получается резонанс, появляется пламя духа, обжигающее память. Поэтому Книгу, в отличие от сайтов Интернета, можно перечитывать неоднократно, каждый раз находя в ней новое содержание.

Библиотека всегда была не только центром книжной коммуникации, но и центром межличностного общения между библиотекарями и читателями. В техногенном информационном обществе общение людей «лицом к лицу», человеческий контакт между библиотекарем и читателем становится важной гуманистической ценностью. Поэтому библиотечные интеллигенты-гуманисты часто используют формы и методы, заимствованные у клубов, музеев, театров, телевидения, практикуют фестивали, конкурсы, поэтические турниры и т. п. Главная трудность в организации межличностной коммуникации состоит в неготовности профессиональных библиотечных работников осуществить ее на хорошем психолого-педагогическом уровне. Здесь мало одной общительности и обаяния, требуются эрудиция, режиссерские и актерские качества, которые далеки от библиотечно-библиографических профессиограмм.

Успешной реализации гуманистической миссии библиотек в техногенном обществе препятствует путаница между понятиями «цель» и «средство». Интеллектуалам-технократам, считающим приоритетной информационную функцию, кажется, что информатизация библиотек — главная цель библиотечной политики. Такая политика является порочной, поскольку она ведет к ликвидации библиотечной профессии. Разумное решение заключается в том, что гуманизация провозглашается *целью* библиотечных преобразований, а информатизация — *средством* достижения этой цели. Цель и средство неразрывно связаны друг с другом, поэтому они должны не конкурировать (что имеет место в настоящее время), а дополнять друг друга в стратегических программах развития российских библиотек.

Главная стратегическая проблема современной библиотечно-информационной системы состоит в *использовании информационно-коммуникационных технологий для гуманистического одухотворения технократического информационного общества*. Информатизация библиотек оправдывает себя только в том случае, если будет способствовать библиотечному коллективу наилучшим образом выполнять свою гуманистическую миссию, заключающуюся в развитии отечественной культуры и сохранении национального культурно-исторического наследия. Другими словами, актуальной задачей современной библиотечной политики является *информатизация гуманизма и гуманизация информатизации*. Это очень сложная задача, но решение ее возможно, если рассматривать 2014 год, объявленный Годом культуры, не как беззаботный всероссийский карнавал, а как начало серьезной и длительной работы по использованию гуманистических библиотечно-библиографических ресурсов для культурного возрождения России.

Примечания

- ¹ Его идеи подробно изложены в адресованных массовому читателю книгах: *Моисеев Н.Н.* Человек и ноосфера / Н.Н. Моисеев. — М. : Мол. гвардия, 1990. — 351 с.; *Он же.* Судьба цивилизации. Путь разума / Н.Н. Моисеев. — М. : Языки русской культуры, 2000. — 224 с.; *Он же.* Быть или не быть... человечеству? / Н.Н. Моисеев. — М., 1999. — 288 с.
- ² Обращение академика Н.Н. Моисеева к участникам «круглого стола» на тему «Быть или не быть... человечеству?» // *Вопр. философии.* — 2000. — № 9. — С. 5.
- ³ *Соколов А.В.* Информационные функции и гуманистическая миссия российских библиотек // *Библиотекосведение.* — 2013. — № 3. — С. 24—30; № 4. — С. 25—28.
- ⁴ *Аврамова М.Б.* Общедоступные библиотеки страны: казусы статистики и реальные трансформации // *Библ. дело.* — 2013. — № 20. — С. 11—16.

- ⁵ Толково-энциклопедический словарь. — СПб. : Норинт, 2006. — С. 1794.
- ⁶ Степанов В.К. «Хватит» ли на наш век традиционных технологий или Теоретический взгляд на практическую проблему // Библиотека. — 1998. — № 7. — С. 25.
- ⁷ Лебедев С.А. Философия науки. Краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории) / С.А. Лебедев. — М., 2008. — С. 256.
- ⁸ ГОСТ 7.0—99. Информационно-библиотечная деятельность, библиография. Термины и определения. — Введ. 2000—07—01. — М. : Унив. книга, 2011. — С. 15.
- ⁹ См., например: Люблинский В.С. Книга в истории человеческого общества / В.С. Люблинский. — М. : Книга, 1972. — 327 с.; Владимиров Л.И. Всеобщая история книги / Л.И. Владимиров. — М. : Книга, 1988. — 312 с.; Семеновкер Б.А. Эволюция информационной деятельности. Рукописная информация. Часть 1 / Б.А. Семеновкер. — М. : Пашков дом, 2009. — 248 с.; Столярова Л.В. Книга в Древней Руси (XI—XVI вв.) / Л.В. Столярова, С.М. Каштанов. — М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. — 448 с.

Контактные данные:
e-mail: sokolov1@front.ru

Журналы Российской государственной библиотеки, включенные в «Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук»

